

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Признаки происшедших в языке изменений обнаруживаются, как правило, при сравнении исторически последовательных стадий одного и того же языка. С другой стороны, каждый синхронный срез языка свидетельствует о наличии в нем стабильности и устойчивости. Наличие динамики в диахронии языка при кажущемся его статичном состоянии в синхронии свидетельствует о том, что изменения в нем происходят настолько медленно, что одно поколение или даже два не замечают их и не ощущают: в противном случае была бы нарушена его коммуникативная пригодность. Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением условий и причин, внутренних стимулов самих изменений, природа и механизм которых до конца еще полностью не выяснены.

Развитие языка и общества не исключает, а предусматривает возможность и даже необходимость сознательного воздействия на язык, которое осуществляется в соответствии с объективными законами развития общества. История языка и общества богата фактами, свидетельствующими о том, что сознательное вмешательство общества в сферы языка бывает успешным лишь тогда, когда имеются социально-исторические предпосылки для преобразования языка, когда это вмешательство не противоречит, а соответствует ходу общественного и языкового развития. Наиболее эффективно социальные факторы сознательного влияния на язык проявляют себя в периоды коренных социальных преобразований в обществе, при социальных революциях, национально-освободительном движении, в эпоху формирования наций, т.е. тогда, когда особенно сильно проявляется социальное давление на язык. Именно тогда, когда возникает острая социальная потребность в преобразовании языка в соответствии с преобразованием общества, наиболее успешно и быстро реализуются самые смелые планы языковой политики и языкового строительства [Баскаков, 1988, 113-114].

Сознательное вмешательство любого общества в языковые вопросы осуществляется, как правило, с определенных идеологических позиций и зависит от задач социального заказа. Конкретные действия общества в отношении языка, в частности расширение или сознательное сужение его функций, наконец, вмешательство в процессы его внутрискруктурного развития образуют в совокупности языковую политику.

Языковая политика — это сознательное и целенаправленное воздействие на язык путем мероприятий, имеющих общеобязательный характер, проводимых централизованно как в масштабах всего государств, так и в

определенной языковой ситуации [Туманян, 1988, 55].

Разумеется, непосредственное воздействие социальных факторов следует понимать не как прямое, метафизическое отражение социального в языке, а как развитие вторичных социальных отношений в многоуровневой структуре языка под влиянием тех или иных социально обусловленных факторов — функционирование, дифференциация и взаимодействие языка [Дешериев, 1977, 22].

Каждая общественно-политическая формация вырабатывает собственную языковую политику, направленную в основном на изменение функциональной стороны языка. В современном обществе языковая политика не только решает проблему выбора языка для общегосударственной, межэтнической и словотворческой деятельности, но и непосредственно связана с политикой в государстве, с социально-политическими и культурно-идеологическими процессами и способна обратно влиять на них.

Преодоление языковых трудностей во многом зависит от языковой политики как неотъемлемой части общеполитической линии правящих классов, направленной на удовлетворение их интересов в сфере языка. Она может быть демократичной или недемократичной в зависимости от того, совпадают или не совпадают интересы правящего класса с интересами широких народных масс.

Демократическая языковая политика направлена на повышение престижа автохтонных языков путем расширения их функций прежде всего в сфере образования, развития письменности, создания научно-технической и общественно-политической терминологии, т.е. способствует их приспособлению к коммуникативным потребностям языкового сообщества.

Большинство стран выбрало в качестве языка официального общения языки бывших метрополий, так как они более универсальны в сравнении с другими языками и являются идеальным средством общения как внутри одной страны, так и в общении с целым миром. Поэтому сейчас многие ученые уделяют большое внимание проблемам развития этих языков не только внутри каждой страны, но и за ее пределами. Известно, что функционируя и развиваясь в новых и весьма отличных от первоначальных социокультурных условиях, они несколько отличаются от метропольных стандартов и развиваются в бывших колониях по несколько иному пути, чем на родине.

Таким образом, для пропаганды концепции „единое государство — единая нация — единственный национальный язык” во многих странах культивируется один из автохтонных языков, с помощью которого создается культурно-политическое единство и метаэтнополитическая общность для подавления ростков этнонационализма и регионализма.

Проблему выбора языка общения и степени пользования им отдельными индивидами и целыми группами также невозможно решить, не изу-

чив предварительно характер межъязыковых отношений, или точнее — языковую ситуацию. Языковая ситуация, по мнению А. Д. Швейцера, может быть определена как „модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, существующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения или культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых коллективов” [Швейцер, 1983, 32].

Характер и существование любой языковой ситуации определяются целым рядом объективных факторов как собственно лингвистических, так и демографических, географических, экономических, социально-исторических, но прежде языковой политикой, осуществляемой данным государством, которая является „не только одним из важнейших факторов, формирующих языковую ситуацию, но и ее существенным аспектом” [Швейцер, 1983, 35].

Языковая политика на современном этапе разрабатывается для решения различных по сложности проблем: от выборов языков для общегосударственного и межэтнического общения до практической нормализаторской и словотворческой деятельности. Языковая политика тесно связана с внутренней политикой в государстве, с социально-политическими и культурно-идеологическими процессами и способна оказывать на них обратное влияние.

Другой языковой проблемой является нормализация и модернизация прежде всего автохтонных языков, которые выдвинуты или выдвигаются для официального и межэтнического общения во всей стране или в ее национально-территориальных районах (лингвистические штаты, автономные области и районы).

Распространение автохтонных языков обусловлено не только этнолингвистическими процессами. Не менее важное значение для приобретения языком „экстерриториального статуса” имеют межэтнические связи, обмен продуктами труда, торговля, процесс урбанизации.

Выдвижение автохтонного языка на господствующие позиции затруднено в связи с его „неподготовленностью” для роли официального языка, языка школьного обучения, языка науки и техники. Лингвистическая неподготовленность этих языков, во многом объясняемая их прямым подавлением или низведением на роль обиходно-разговорных в период колониализма вследствие широкого применения языков метрополий, требует принятия лингвистических мер для их ускоренного развития и обогащения. Первоочередной задачей считается пополнение их словарного состава новой лексикой и научно-технической терминологией, позволяющими привести уровень их структурного развития в соответствие с

исполняемой или отводимой им функционально-коммуникативной ро-
лью, т.е. ведение значительной лингвистической работы по его „подтяги-
ванию” до уровня внутрискруктурного развития западноевропейских
языков. Поэтому целью конкретных программ языковой политики может
быть как изменение или сохранение сложившегося функционального
распределения языковых образований (языков и форм его существова-
ния), так и изменение или стабилизация использующихся лингвистиче-
ских норм, нормализация литературных языков, пополнение их лексикой
и терминологией.

Язык народа есть важнейший компонент его национальной культу-
ры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь одно-
временно предпосылкой и условием его существования. Поэтому неуди-
вительно, что в процессе обретения нациями своей реальной государст-
венности, языковая политика самым активным образом служит достиже-
нию данной цели. Однако полноценное объяснение и понимание движу-
щих механизмов и факторов, влияющих на проведение языковой полити-
ки в новых независимых государствах, возможно только в контексте об-
щемирового социолингвистического опыта. В силу этого необходим ана-
лиз современных подходов к проблеме языка в других регионах мира
(прежде всего США, Канаде, Западной Европе), представляющих собой
многонациональные или полиэтнические общества. Динамика языковой
политики в западных демократиях все больше определяется общепри-
знанными нормами международного права, устанавливающими основные
критерии прав человека и целых народов.

Таким образом при рассмотрении языковой ситуации в Новой Зе-
ландии следует учитывать тот факт, что каждый названный вариант языка
является не только пространственной проекцией языка, но также проек-
цией социальной, культурной и исторической.

Совокупность этих фактов определяет сложность и самобытность
новозеландской лингвистической ситуации.

Языковая ситуация в Новой Зеландии характеризуется наличием оп-
ределенного типа билингвизма (частичного): двуязычны свыше 90% мао-
ри; что касается англоновозеландцев, то число билингвов среди них со-
всем незначительное. Основными компонентами билингвистической си-
туации в Новой Зеландии является английский язык и язык аборигенов
страны, маори.

Положение английского и маорийского языков в стране крайне про-
тиворечиво. Так уже сложилось в ходе исторического развития новозе-
ландского общества, что английский язык занял доминирующее положе-
ние в стране. Данное положение обуславливалось в основном его соци-
ально-коммуникативной ролью, так как английский язык является не
только государственным языком, но и выступает как основное средство

межэтнической, межгрупповой коммуникации.

Таким образом история развития маорийского и английского языков представляет собой, с одной стороны, — сужение функций языка маори, а с другой стороны, — расширение функций английского языка внутри маорийской общности.

Политика новозеландских властей в этот период была направлена на ограничение изучения языка и культуры маори, с тем, чтобы ускорить процесс их ассимиляции в „обществе белых”.

Коренные жители Новой Зеландии составляют только 13% от 3,36 миллионного населения этой страны. Социальное положение маори значительно ниже положения пакехи (людей европейского происхождения), т.к. 40% маори относятся к группе с низким доходом по сравнению с 5,4% пакехи. Более 40% молодежи маорийского происхождения — безработны и большая их часть заканчивают школу без получения документов об образовании [Mitchel, 2000, 25]. Начиная с 1980 года происходит прорыв в отношении к маорийской культуре и традициям, что повлекло за собой ряд социальных изменений в жизни коренного населения страны. В первую очередь это повлияло на языковую политику государства, так как к этому времени только 8% маори говорили на родном языке. Хотя язык маори и является языком коренного населения, но даже после получения официального признания и получения статуса государственного языка его можно отнести к языку меньшинств по количеству говорящих на нем.

Под давлением маорийцев правительству Новой Зеландии пришлось пересмотреть свои позиции. Министерство Образования приняло закон, согласно которому язык маори снова был введен в качестве учебного предмета во многих школах; внедряется программа раннего языкового погружения для детей дошкольного возраста — „kohanga geo” (языковые гнезда), создаются курсы интенсивного обучения маорийского языка при ряде университетов — все это несомненно делает язык маори важным звеном в развитии бикультурного подхода в образовательной системе Новой Зеландии.

На изменение отношения к языку маори указывает и тот факт, что наряду со словами, обозначающими реалии маорийской культуры и быта, появляются лексические единицы маорийского происхождения, имеющие аналоги в новозеландском английском. Например, rangatiratanga, „sovereignty”; tikanga, „custom”; Maorotanga, „Maoriness”.

Эти тенденции наблюдаются не только по отношению к языку, но и к культуре и традициям маори, о чем свидетельствует празднование Новой Зеландии вхождения в 21 век, где большая часть церемонии занимали молитвы, ритуальные танцы и песни народа маори. Хочется верить, что возрождение культуры и языка маори — это не дань моде, а сознательные шаги правительства Новой Зеландии по исправлению своей вековой колонизаторской политики.

Изменчивость и противоречивость нынешней языковой ситуации в Новой Зеландии все же не дают оснований для того, чтобы теоретически исключать возможность постепенного превращения языка маори в язык, охватывающий все сферы речевого общения. Здесь многое зависит от местных условий и языковой политики данного государства.

Литература

1. Баскаков А.Н. Социальные факторы в их воздействии на лексико-семантическую языка (на материале тюркских языков) // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М., 1988.
2. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. — М., 1977.
3. Туманян Э.Г. О разграничении спонтанного и общественно-детерминированного в развитии языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М., 1988.
4. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка // Онтология языка как общественного явления. — М., 1983.
5. Mitchel T. Don't damage in my native language: the use of „resistance vernaculars” in hip hop in France, Italy, and Aotearoa / New Zealand / Popular Music and Society. — N.Y., Fall, 2000.

Ж.М.ЛАГОДЕНКО

г. Белгород

КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ В ПОСТПОЗИЦИИ

У всякого предложения кроме его структурной и содержательной стороны есть и другая сторона, проявляющаяся в речи — это коммуникативная сторона предложения. В сложноподчиненном предложении с описательным придаточным в постпозиции между подчиняющим предложением и подчиненным нет тесной понятийно-смысловой связи. Описательное придаточное предложение передает относительно самостоятельное сообщение, разноплановое по отношению к подчиняющему предложению. Здесь мы находим как раз подтверждение тому, что грамматически зависимое подчиненное предложение может нести основную смысловую нагрузку, в то время как первая часть сложного предложения — подчиняющая — является по своему содержанию как бы экспозицией к подчиненной. По этому поводу В.Г. Адмони пишет, что „... в значительном числе случаев именно подчиненное предложение несет на себе основную смысловую нагрузку всего сложноподчиненного предложения, между тем как главное предложение играет второстепенную или даже вспомогательную роль...” [Адмони, 1955, 219].

В зависимости от характера коммуникативного задания, которому отнесается высказывание, можно наметить четыре варианта следования компонентов коммуникативного членения в сложноподчиненном предложении с постпозитивным описательным определительным предложением.